Если средневековый автор стремился хотя бы частично отразить свое созерцание мира, которое само по себе являлось философским, а не обыденным ви́дением действительности, ему для этого необходимо было прибегать к иному способу выражения, отличному от разговорной речи, как средства общения. Тут нужен был особый — «высокий» стиль, далекий от бытовой речи, непохожий также на язык деловой письменности с присущими ему терминами, причем не просто язык книжный, а именно ученый и близкий к литургическому, недоступный для непросвященных. Поэтому, по мере возможности, из произведений, написанных «высоким» стилем, «изгоняется бытовая, политическая, военная, экономическая терминология, названия должностей, конкретных явлений природы данной страны, некоторые исторические припоминания и т. д. Если приходится говорить о конкретных политических явлениях, то писатель предпочитает называть их, не прибегая к политической терминологии своего времени, а в общей форме, предпочитает выражаться о них описательно, давать названия должностей в их греческом наименовании, прибегает к перифразам и т. д.».[18] Эта общая характеристика высокой церковной литературы может быть вполне отнесена и к литературе древнесербской, которой также присущи перечисленные выше особенности. Приведем некоторые примеры.

Как известно, Неманя был пострижен в монахи епископом рашским Каллиником. Однако, рассказывая об этом событии, Доментиан вместо конкретного названия сана употребил более широкое понятие: «...рече *архиерею* своемоу, рекомомоу Калиникоу» (ЖСиС, 43). Вместо конкретного названия рашского государства он охотнее пользуется перифразою: «И достигьшоу посьланомоу до *края земле владычьства сына его*» (ЖСиС, 66). Где только это возможно, Доментиан заменяет перифразами имена своих героев, вместе с их определениями-эпитетами. Так, например, вместо конкретного имени «прѣподобьныи отьць богоносьныи Симеонь» либо «благогласьныи кирь Сава» Доментиан предпочитает сказать о Симеоне: «Егда же начеть болѣти прѣподобьныи отьць нашь» (ЖСиС, 75), или же о Савве: «И прѣподобьныи о томь о вьсемь благодаривь бога» (ЖСиС, 161—162). Но во избежание неясности иногда приходится назвать по имени хотя бы одного из персонажей (особенно, если в одном и том же предложении упоминаются два или три лица): «...и посьла прѣподобьныи богоумьнааго сына своего кирь Савоу» (ЖСиС, 166).

Уже сами определения, сочетающиеся с конкретными именами, являясь кальками, заведомо образованными по образцу греческих сложных прилагательных θεόφορος, θεοφόρητος, θεοπρόπος, θεηγόρος, придают определяемому собственному имени какой-то высший смысл, характеризуют его как нечто особое, небытовое. Когда же такие прилагательные-эпитеты субстантивизируются и сочетаются с указательными местоимениями, например «сии ж *светыи*, богоразоумьна зара» (ЖСиС, 179), тогда достигается еще большая степень абстрагирования, стиль становится более возвышенным.

Подобные примеры нередки и в Житии св. Саввы, написанном Феодосием. Так, Феодосий собственное имя своего героя, однажды упомянутое им в тексте, в дальнейшем охотно опускает, заменяя его именем нарицательным. Рассказывая о Растке Неманиче и об его побеге на Афон, Феодосий лишь один раз называет его по имени (на стр. 4 текста, опубликованного Даничичем), а в дальнейшем называет его только «юношей»; значительно позднее (на стр. 16 текста, опубликованного Даничичем), снова появляется имя Растко. Имя Немани Феодосий также заменяет там

[18] Там же, стр. 28.